

Оствальд Вильгельм Фридрих

Насущная потребность

Die forderung des tages

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильгельм Фридрих О.**
Насущная потребность: Die forderung des tages / Оствальд Вильгельм Фридрих – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 341 с.

ISBN 978-5-521-26700-2

ISBN 978-5-521-26700-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

(она воспитала пятерыхъ дѣтей); для нея же, конечно, это было связано съ необходимостью отказаться отъ дальнѣйшихъ плановъ работы и готовиться къ грядущему событію. Въ тѣхъ измѣнчивыхъ настроеніяхъ, которыя она теперь переживала, ничто не давало ей такого живого утѣшенія, ничто не ободряло ея въ такой степени, какъ слова, стоящія въ самомъ началѣ «Максимъ и размышлений» *L'ame* и взятая мною въ заголовокъ настоящей книги. Въ связи съ контекстомъ они гласятъ:

«Какимъ образомъ мы можемъ научиться познавать самихъ себя? Никкимъ образомъ не путемъ размышленія, а только путемъ дѣйствія. Старайся исполнить твой долгъ, и ты тотчасъ узнаешь, что заключается въ тебѣ.

«Что же составляетъ твой долгъ? *Насущная потребность*».

Для меня представляло большой интересъ и удовлетвореніе наблюдать, какъ подъ дѣйствіемъ этихъ словъ смутно тѣснившіяся желанія и стремленія вводились въ спокойное русло, гдѣ они принимали вполнѣ опредѣленное направленіе и приносили многообразные, цѣнные результаты. Примѣнять это изреченіе къ самому себѣ я не чувствовалъ надобности, такъ какъ насущная потребность въ то время совпадала настолько совершенно съ моими интимнѣйшими склонностями и желаніями, что мнѣ, собственно, оставалось только жить согласно со своими

влеченіями, чтобы удовлетворить и первую, и вторую. Въ самомъ дѣлѣ, даже преподаваніе въ училищѣ, которое я принималъ лишь въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, было для меня интересно и давало удовлетвореніе, такъ какъ я могъ поставить эту работу, не будучи стѣсненъ какими-нибудь рамками, согласно своимъ собственнымъ идеямъ и требованіямъ: мое непосредственное начальство, въ виду моей начинавшейся извѣстности (явленіе, въ Дерптѣ сравнительно рѣдкое и потому всѣмъ извѣстное), похвальнымъ образомъ предоставило мнѣ во всемъ свободу дѣйствій. Въ виду пріобрѣтеннаго въ то время опыта, я считаю себя въ правѣ принимать участіе въ обсужденіи вопроса о реформѣ средней школы въ качествѣ специалиста, а не въ качествѣ диллетанта, за котораго столь охотно желали бы меня выдать нѣкоторые, чувствующие себя задѣтыми, педагоги.

И позднѣйшіе годы моей жизни мало измѣнили такое отношеніе къ максимѣ великаго учителя *Гете*. Шестилѣтняя профессура въ рижскомъ политехникумѣ и двадцатилѣтняя профессура въ лейпцигскомъ университетѣ вносили полное согласіе между моими собственными потребностями въ работѣ и насущными потребностями,—по крайней мѣрѣ, какъ я ихъ тогда понималъ такъ, что всякій день казался богатымъ работой и достаточно удачно задуманнымъ, и не давалъ возможности появиться но-

вымъ потребностямъ или новымъ мыслямъ о качествѣ такой повседневной работы. Но вотъ признаки переутомленія, первоначально легко устранявшіеся нѣсколькими недѣлями уединенія и занятія живописью, стали болѣе серьезными и, въ концѣ концовъ, вынудили меня совершенно прервать на полъ-года свою дѣятельность; только тогда эти вопросы выступили на первый планъ. Въ качествѣ трезваго естествоиспытателя я не могъ скрывать ни отъ себя, ни отъ другихъ, что изъ этого періода изнурительнаго труда я вышелъ наполовину инвалидомъ. Какъ сейчасъ помню то возбужденіе, съ какимъ я весною 1896 г., послѣ того какъ самое худшее осталось позади, и я пытался понемногу возвратиться къ старой работѣ,—я читалъ первую рукопись научнаго содержанія съ цѣлью опредѣлить, пригодна ли она для помѣщенія въ журналъ «*Zeitschrift für physikalische Chemie*», который я основалъ и до того времени редактировалъ. Это было въ небольшомъ мѣстечкѣ Freshwater-Bay, на островѣ Уайтѣ, гдѣ я, проводя время въ прогулкахъ, купаніи и рисованіи, настолько возстановилъ свои силы, что могъ рѣшиться на такую попытку. Я лежалъ на кремнистомъ берегу, который обнажился благодаря отливу и быстро высохъ подъ теплыми лучами солнца, и углубился въ рукопись, къ счастью весьма чисто написанную. Результатъ былъ благоприятный. Я не только могъ понимать и

судить о прочитанномъ, но могъ, какъ и раньше, тотчасъ найти тотъ пунктъ, на который должна была быть направлена дальнѣйшая работа выясненія вопроса. Итакъ, по крайней мѣрѣ, эта часть моего мозга не была повреждена навсегда, какъ это, къ сожалѣнію, случилось, несомнѣнно, съ моею памятью, раньше столь превосходною. Возобновленіе прежней дѣятельности оказалось возможнымъ, и я, дѣйствительно, приступилъ къ ней со слѣдующаго семестра.

Но теперь вышеприведенная максима стала уже предметомъ размышленія и для меня. Продолжительное самонаблюденіе убѣдило меня, что тотъ ранній заморозокъ унесъ много больше, чѣмъ это казалось сначала... Особенно сильно измѣнилось вліяніе на меня личныхъ занятій съ передовыми учениками, исполнявшими самостоятельныя работы,—занятій, которыя были для меня раньше богатѣйшимъ источникомъ пріятныхъ ощущеній. Сначала я радовался ихъ возобновленію и смотрѣлъ на нихъ съ такимъ чувствомъ, какъ-будто возвратился въ настоящее отечество моего духа, но потомъ они стали соединяться съ непріятными побочными ощущеніями, первоначально легкими и почти незамѣтными, но затѣмъ становившимися все болѣе и болѣе явственными; сперва я совсѣмъ не обращалъ на нихъ вниманія, потомъ не хотѣлъ допускать, но въ концѣ концовъ они стали настолько явственными, что ихъ уже нельзя было игнорировать.

Я долженъ былъ сознаться, что та часть моего мозга, въ которой сосредоточивались эти особенныя способности къ творческому обученію, подъ вліяніемъ чрезмѣрной работы стала въ значительной степени неспособной исполнять свое назначеніе. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія *фонъ-Зейдлицъ* мудро и любезно предоставилъ мнѣ облегченія, которыя замедлили теченіе этого процесса и, быть можетъ, привели бы даже къ такому *modus vivendi*, при которомъ я могъ бы сохранить еще надолго общее руководство лабораторными занятіями учащихся, если бы не встрѣтилось неожиданныхъ препятствій съ другой стороны. Продолжительная работа въ лабораторіи создала вполне определенную научную атмосферу, которую лучше всего охарактеризуетъ маленькій случай изъ послѣднихъ лѣтъ моей учебной дѣятельности. Надо было произвести изслѣдованіе фактовъ, якобы противорѣчившихъ теоретически уже выясненнымъ законамъ полиморфизма и, по возможности, привести ихъ въ связь съ общими законами. Я далъ первоначальныя указанія практиканту, который долженъ былъ произвести эту работу, и затѣмъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени не видѣлся съ нимъ. Когда я снова встрѣтился съ нимъ и спросилъ, въ какомъ положеніи находится работа, онъ высказалъ мнѣніе, что она въ существенномъ уже закончена. «Сдѣлали ли вы вотъ это?» спросилъ я, указавъ на

опредѣленные опыты. «Да, разумѣется»,—отвѣтилъ онъ. «Въ такомъ случаѣ остается еще сдѣлать вотъ что»,—сказалъ я, указывая на другіе опыты. «Я уже продѣлалъ и это»,—былъ отвѣтъ. Такимъ образомъ, молодой сотрудникъ, даже не посѣщавшій сначала лабораторіи, но прибывшій въ Лейпцигъ въ качествѣ молодого химика, хорошо знакомаго съ моими произведеніями, до того сжился съ моимъ образомъ мыслей, что при анализѣ данной проблемы ему приходили въ голову тѣ же мысли, что и мнѣ.

Этотъ случай прежде всего привелъ меня къ заключенію, что для руководства отдѣльными работами мое присутствіе въ лабораторіи было почти излишне. Здѣсь имѣлся штатъ превосходныхъ ассистентовъ, воспринявшихъ въ полной мѣрѣ мое наслѣдство и даже настолько приумножившихъ его во всѣхъ направленіяхъ собственными трудами, что лабораторія имѣла въ своемъ распоряженіи на долгіе годы достаточное количество подлежащихъ изслѣдованію проблемъ, а также и средствъ къ ихъ разрѣшенію, и могла поддерживать свой интеллектуальный уровень на той его высотѣ, которой она достигла подъ вліяніемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ являлась возможность признать, что еще на долгое время можно было сохранить извѣстнаго рода духовное руководство безъ постоянного личнаго вмѣшательства въ дѣла лабораторіи и, слѣдовательно, при относительно

слабомъ расходѣ энергіи, — если только общее распредѣленіе энергіи будетъ направлено къ тому, чтобы оставить достаточный свободный запасъ ея, необходимый для наиболѣе важнаго — общаго развитія научныхъ идей и для борьбы съ идейнымъ застоємъ въ собственномъ мозгу. Въ видахъ этого я уже не разъ возбуждалъ ходатайство объ освобожденіи меня отъ обязанности читать лекціи, хотя бы на одинъ семестръ, на что министерство безпрепятственно соглашалось. Дать такое согласіе было тѣмъ легче, что физическую химію читало много приватъ-доцентовъ, и студенты могли слушать лекціи по этому предмету самаго разнообразнаго содержанія. Я считался также со своею работоспособностью и въ томъ отношеніи, что помимо ассистентовъ, получавшихъ оффиціальное содержаніе, обыкновенно приглашалъ еще нѣсколькихъ вольно-наемныхъ ассистентовъ, которые не должны были исполнять моихъ личныхъ экспериментальныхъ работъ, но вмѣстѣ съ другими ассистентами распредѣляли работу по преподаванію такимъ образомъ, что у каждаго оставалась, по крайней мѣрѣ, половина рабочаго дня для самостоятельнаго научнаго изслѣдованія.

Однако, осуществленіе такой организаціи встрѣтило препятствіе съ той стороны, откуда я ихъ меньше всего ожидалъ. Большинство философскаго факультета лейпцигскаго университета нашло недопустимымъ, чтобы одинъ изъ его членовъ

уклонялся такимъ образомъ отъ исполненія своей главной обязанности, которую это большинство видѣло въ чтеніи лекцій; поэтому факультетъ въ своемъ отзывѣ министерству, передавшему на его заключеніе мое прошеніе объ освобожденіи меня отъ чтенія лекцій въ предстоявшемъ полугодіи, высказался за отклоненіе моего ходатайства. Сужденія, которыя были высказаны по этому поводу о моемъ прошеніи и о моей личности на засѣданіи факультета, были такого рода, что оно было послѣднимъ, на которомъ я присутствовалъ. Я подалъ начальству прошеніе объ отставкѣ, въ виду того, что я больше не былъ въ состояніи вести дѣло преподаванія въ требуемомъ объемѣ. Мои ближайшія товарищи по специальности въ факультетѣ старались уладить инцидентъ всѣми мѣрами, за которыя я все время остаюсь имъ сердечно благодарнымъ; я указалъ имъ, что необходимымъ условіемъ при которомъ, мнѣ кажется, возможнымъ продолженіе моей официальной дѣятельности, я считаю для себя общее разрѣшеніе прекращать чтеніе лекцій на одинъ семестръ, въ зависимости отъ состоянія моей работоспособности; но на такомъ основаніи имъ не удалось добиться, чтобы я могъ остаться на своемъ мѣстѣ*). Въ августѣ 1906 г. я закончилъ

*) Въ моей памяти навсегда останется воспоминаніе объ одномъ приключеніи изъ этого времени. Одинъ collega-филологъ, съ которымъ я состоялъ въ пріятныхъ, хотя и не очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ, съ

свою учебную дѣятельность въ Лейцигскомъ университетѣ, не получивъ ни одного знака участія со стороны этого университета, которому я приобрѣлъ въ моей спеціальной области преподавательской дѣятельности положеніе перваго въ свѣтѣ.

Теперь, четыре года спустя послѣ этихъ событій, я имѣю полное основаніе радоваться, что ихъ фактическая сторона сложилась именно такимъ образомъ. За все это время у меня не было еще ни одного момента, даже во снѣ, когда бы я раскаялся, что промѣнялъ университетскую профессуру на профессию практическаго мыслителя; послѣдняя требуетъ отъ меня, относительно, еще больше работы, чѣмъ первая, зато здѣсь я совершаю только то, къ чему влечетъ меня сердце, и подобно тому, какъ и во времена моей молодости, день сталъ для меня снова слишкомъ короткимъ, чтобы успѣть передѣлать всѣ тѣ хорошія и прекрасныя вещи, которыя только и дождаются, чтобы ихъ исполнить. И если въ мои годы я вообще долженъ устраивать дѣло уже такъ, чтобы работать съ органиченнымъ запасомъ энергіи, вмѣсто почти неисчерпаемаго

своей стороны старался объ улаженіи инцидента. Во время нашего разговора объ этомъ онъ замѣтилъ: „Меня всего больше удивляетъ, съ какимъ усердіемъ выступили на вашу защиту какъ разъ ваши ближайшіе товарищи по спеціальности. У насъ это было бы почти невысказанно“.

избытка ея въ юности, то я себя вдвойнѣ чувствую счастливымъ, что я не принужденъ растрачивать ни малѣйшей доли этихъ остатковъ энергіи на пустяки, на то, что на языкѣ моей балтійской родины такъ выразительно называютъ „Strund“.

И вотъ, здѣсь старая максима *Гете* оказала свое просвѣтляющее вліяніе и на мою личную судьбу. Уже во время моей служебной дѣятельности самопроизвольная работа мысли, направляемая не внѣшними заданіями, а внутреннимъ развитіемъ духа, неоднократно приводила меня въ области, лежащія внѣ назначенной для меня въ университетѣ преподавательской спеціальности, а фактически существующая, хотя и не закрѣпленная формально свобода преподаванія въ нашихъ высшихъ научныхъ школахъ обезпечивала мнѣ на этомъ пути свободу отъ всякихъ препятствій. Весьма живой интересъ слушателей къ такимъ лекціямъ былъ для меня симптомомъ того, что именно въ этого рода вещахъ существуетъ широкая потребность (я имѣю въ виду въ особенности лекціи по натурфилософіи, читанныя впервые въ 1901 г.). Итакъ, здѣсь существовала *насуцная потребность*, требовавшая удовлетворенія; такого рода потребности я пытался удовлетворить основаніемъ журнала «*Annalen der Naturphilosophie*» и монографіями, посвященными самымъ разнообразнымъ областямъ отмѣченнаго круга.